

него. Правда, в силу юности Георгия и Дмитрия они всего лишь замыкают шествие предстоящих. Но начиная с иконостаса Благовещенского собора московского Кремля, они прочно вошли в систему украшения каждого русского храма.¹

Если основываться только на внешних атрибутах Георгия, то пришлось бы признать, что в раннемосковской живописи в кругу Рублева был восстановлен старый тип Георгия в мученическом плаще, что Георгий вновь, как в Византии, стал почитаться в качестве покровителя князя.² Но идея иконостаса, в котором Георгий занял свое место, не может быть сведена к прославлению и утверждению феодальной иерархии, — она имела более широкий смысл. В облике Георгия и Дмитрия теперь подчеркивается их обаяние молодости, душевная мягкость и отзывчивость, и это сказывается в том, как они склоняют головы и как молитвенно протягивают руки. Позднее черты Георгия-представителя переносятся и на образ Георгия-воина.

В одной превосходной новгородской иконе конца XV века³ можно видеть отражение рублевского понимания образа. Это одно из проявлений еще недооцененного в истории русского искусства влияния Москвы на Новгород. Георгий изображен в полном всоружении, на нем лук и колчан, в руке копьё, но стоит он не в традиционной позе готового к защите героя, а задумчиво склонив свою голову, и этим наклоном головы похож на фигуры из иконостаса. Соответственно этому фигура воина расположена не в центре иконы, но отодвинута к ее краю; его опора в виде тонкого копьё перенесена в левую часть; правый угол занимают плащ и меч. Если предположить, что эта икона могла занимать место в каком-нибудь иконостасе, тогда станет ясно, что склоненная голова Георгия включала его фигуру в общий ритм иконостасной композиции (ср. рис. 10).

Представление о Георгии как заступнике и защитнике так прочно укоренилось в народном сознании, что на протяжении XV века на Руси делались неоднократные попытки объявить народного героя своим союзником и покровителем и этим поднять свой авторитет.

В Архангельской летописи рассказывается о том, как Георгий помог новгородским повольникам освободиться от осаждающей город чуди.⁴ С другой стороны, в Софийской летописи передается, что Иван III перед походом на Новгород призывал к себе на помощь Георгия, называя его по-народному «Егорием Храбрым».⁵ Обращение за помощью к Георгию нашло отражение и в искусстве. В новгородской иконе «Битва новгородцев с суздальцами» Георгий вместе с другими «святыми воинами» возглавляет новгородскую конницу и наносит смертельный удар

¹ И. Грабарь. Феофан Грек. Очерки из истории древнерусской живописи. Казань, 1922, стр. 9.

² Именно так ставит вопрос И. Мысливец (ук. соч., стр. 372—373), говоря о развитии типа Георгия-патриция. В. Н. Лазарев (ук. соч., стр. 222) говорит о «процессе все более решительного отрыва данного образа от народных корней». Такая трактовка образов, созданных в ближайшем окружении Рублева, решительно противоречит общему представлению о великом русском мастере, давшем глубоко народную интерпретацию традиционной иконографии. Здесь следовало бы скорее говорить об отступлении от фольклорного образа Георгия.

³ И. Грабарь. История русского искусства, VI, стр. 198. — А. Грищенко, ук. соч., стр. 66. В. Н. Лазарев (Образ Георгия-воина..., стр. 219) отмечает в этой иконе в качестве характерной черты лишь «детали одеяния и вооружения», хотя на самом деле их меньше, чем в ряде других случаев (как, например, там же, рис. 23). Мотив склоненной головы воина остался им не отмечен.

⁴ А. Рыстенко, ук. соч., стр. 337.

⁵ А. Кирпичников, ук. соч., стр. 153.